

Семен Юшкевич

Тревоги души

Семен Юшкевич

Тревоги души

«Public Domain»

1907

Юшкевич С. С.

Тревоги души / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1907

«С утра начался дождь, и напрасно я умолял небо сжалиться над нами. Тучи были толстые, свинцовые, рыхлые, и не могли не пролиться. Ветра не было. В детской, несмотря на утро, держалась темнота. Углы казались синими от теней, и в синеве этой ползали и слабо перелетали больные мухи. Коля с палочкой в руке, похожий на волшебника, стоял подле стенной карты, изукрашенной по краям моими рисунками, и говорил однообразным голосом...»

© Юшкевич С. С., 1907

© Public Domain, 1907

Семен Соломонович Юшкевич

Тревоги души

Прошло несколько дней. Я становился спокойнее. Стёпа сообщил нам, что Странный Мальчик начал поправляться, и посещение само собой отодвинулось на некоторое время, тем более, что Сергей и Настя гостили у тётки в городе.

В этот важный и памятный день погода выдалась мокрая, и мать, по обыкновению, не выпускала нас из дому. С утра начался дождь, и напрасно я умолял небо сжалиться над нами. Тучи были толстые, свинцовые, рыхлые, и не могли не пролиться. Ветра не было. В детской, несмотря на утро, держалась темнота. Углы казались синими от теней, и в синеве этой ползали и слабо перелетали больные мухи. Коля с палочкой в руке, похожий на волшебника, стоял подле стеной карты, изукрашенной по краям моими рисунками, и говорил однообразным голосом:

– Ява, Суматра, Борнео, Целебес; Ява, Суматра... – и то тыкал палочкой в карту, то вертел ею, очерчивая круги на стене.

Я зубрил «Лжеца» и каждый раз, забыв начало, с досадой и передразнивая самого себя, повторял:

– Из дальних странствий возвратись – чтобы ты не возвратился, не возвратился...

– Дзз, дзз, – жужжал дождь, постукивая в коридорные стёкла.

Из столовой шёл голос матери, сердившейся на Машу, и Маша громко плакала и оправдывалась в какой-то вине.

– Опять мама мучает Машу, – вдруг произнёс Коля, повернувшись ко мне. – Каждый день одни и те же придирки. А Маша всегда выходит правой.

– Надоело, – зевая ответил я, и опять продолжал, не глядя в книгу. – Однажды возвратись из странствий, – ах, чёрт, опять не так. Когда же я, наконец, выучу это проклятое начало?

– Ты не зевай, а слушай, когда тебе говорят, – рассердился Коля. – Мама мучает Машу напрасно. И я говорю, что это нехорошо.

– Какое нам дело, – с досадой возразил я, глядя в книжку. – Маша служит, и мама всё может с ней делать. Маша – горничная...

– Нет, не может... Маша – человек. А человека нельзя мучить. Сергей из себя выходил, когда слышал плач Маши, и сердито ругался. Мне было за маму стыдно.

– А что говорил Сергей? – заинтересовавшись, спросил я.

– Суматра, Ява, Борнео, – раздался однообразный голос, и палочка снова заходила у него в руках.

– Что же он говорил? – нетерпеливо выговорил я, подходя к нему.

Коля посмотрел на меня и шёпотом ответил:

– Он называл маму крепостницей. Он говорил, что прислугу нельзя мучить за то только, что она служит и бессильна защитить себя. Прислуга необходима в доме; может быть, самая полезная в семье, и её нужно ценить, уважать. Он говорил, что все люди – братья, и один не должен угнетать другого...

Я понимал и не понимал. Что-то озарило меня, – мелькнуло и потухло. Горничная – человек? Я никогда не думал об этом, и в новизне лежала большая сила убедительности. Горничная – человек? Правда, у неё руки, голова, лицо. Она говорит, делает. Но человек? Разве у неё есть свой дом? Разве она занимается важными делами, как отец? Училась ли она? Горничная – человек! Простая мужичка, обязанная за деньги слушаться, работать, не иметь своей воли, спать в одежде, есть позже всех и самое худшее, – которое нам никогда бы не предложили, – и она человек! Но всё-таки она плачет, когда мать её ругает, она чувствует, и счастлива, когда мать похвалит её, приласкает. Она говорит о своей деревне, о замужестве, о своей земле. Господи, но ведь это и делает человек! И до сих пор я не подумал об этом!

Плач Маши становился яснее, она шла в кухню.

Мама ещё раз крикнула и убежала в спальню. Бабушка что-то тихо бормотала.

– Сергей прямо ненавидит маму за то, что она издевается над Машей, – прислушавшись опять сказал Коля.

– Сергей, всё Сергей, – хотелось мне подразнить Колю. А мама?

Я отложил книгу и задумался. Теперь я вспомнил, как Маша благоговела пред Сергеем и называла его за глаза не иначе, как «славный панич», а в глаза – Сергеем Михайловичем. Почему же Маша любит Сергея, – пришло мне в голову, а к нам холодна, равнодушна? И в первый раз подумалось о том, что между нами и Машей существуют какие-то отношения, о которых я не подозревал. Лишь только Коля открыл мне, что Сергей ненавидит маму за жестокость, как неотвязно стал предо мной, ожидая ответа, другой вопрос: а нас? Разве мы поступали лучше матери? До Маши у нас служили Паши, Груши, Степаниды, и для нас, детей, они были, как временные рабы, с которыми всё можно было сделать: ругать, грубить, приказывать, требовать, иногда даже бить. И никогда не являлось мысли, что услуживает нам человек, которого нужно ценить, щадить, что лишь случай сделал то, что она служит, а мы приказываем, и могло быть наоборот: мы бы служили, а она приказывала. Теперь, как открытие, гвоздила мысль, что и Маша – человек, по несчастью подневольный. Раньше не думалось, и примелькалось, что мать, всегда вспыльчивая, несправедливая, досаждала Маше, как досадила бы всякому другому своими требованиями, придирками, – и что молчание и слёзы Маши вынужденные, купленные. Не думалось и о том, что Маша могла возмущаться против жестокости; – разве прислуга имеет право перечить, не слушать, разве смеет? Теперь Сергей, при посредстве Коли, открыл мне глаза, и я увидел, как много дурного хозяйского лежало в нашем прошлом. Как часто без нужды и я, и Коля были жестоки с прислугой. По утрам, сидя за чаем, мы не смели дохнуть, чтобы не разбудить матери, а в кухню вваливались с криком, с топотом утром, ночью, когда хотелось. Завтраки, обеды – были в доме священнодействием, а прислугу мы не задумываясь отрывали от еды для ничтожнейшего пустяка, и все в доме злились, если она не являлась немедленно на зов. Мать много отдыхала за день, вышивала или разговаривала с бабушкой; мы беззаботно проводили время и для всех день был наслаждением, а Маша с утра до поздней ночи носилась, как проклятая по комнатам, без усталости, без ропота работала, и её гоняли беспощадно, не спрашивая себя, устала ли она, может ли утомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.